

ФУНКЦИИ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рыльщикова Л.М.¹, Худяков К.В.²

¹ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный аграрный университет», Волгоград, Россия (400002, г. Волгоград, пр. Университетский, 26), e-mail: rylshchikova.lubov@mail.ru

²Волжский политехнический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный технический университет», Волжский, Россия (404121, Волгоградская область, г. Волжский, ул. Энгельса, 42а), e-mail: kvk_2002@mail.ru

Объектом исследования является научно-фантастический дискурс, частный случай фантастического дискурса как выражение человеческой потребности в вымышленных нарративах, содержащих описания сущностей и предметов, отсутствующих в объективной реальности. Основным элементом научно-фантастического дискурса является литература в жанре научной фантастики, актуальность изучения которой обусловлена наличием ассоциированной с ней субкультуры, известной как «фэндом». Отмечены атрибуты существования фэндома и термины, обозначающие значимые особенности данной субкультуры. В статье определены функции научно-фантастической литературы, которые она выполняла ранее (в хронологическом порядке) и выполняет сейчас, как внутри фэндома, так и в обществе в целом, посредством влияния на заинтересованных людей. Каждая функция подробно рассмотрена, приведены примеры художественных произведений, где рассматриваемая функция выражена наиболее отчетливо. Наибольшее внимание уделено функциям, которые выполняет современная отечественная научно-фантастическая литература. Слова, являющиеся продуктом научно-фантастического дискурса, находящиеся в активном обращении в фэндоме, выделены отдельно.

Ключевые слова: дискурс, научная фантастика, литература, субкультура, фэндом

FUNCTIONS OF SCIENCE FICTION DISCOURSE

Rylschikova L.M.¹, Khudyakov K.V.²

¹State Educational Institution of Higher Professional Education "Volgograd State Agricultural University", Volgograd, Russia (400002, Volgograd, Universitetsky Avenue, 26), e-mail: rylshchikova.lubov@mail.ru

²Volzhsky Polytechnical Institute (branch of) State Educational Institution of Higher Professional Education "Volgograd State Technical University", Volzhsky, Russia (404121, Volgograd region, Volzhsky, Engels Street, 42a), e-mail: kvk_2002@mail.ru

The object of study is a science fiction discourse, a special case of science fiction discourse as an expression of the human need for fictional narratives, containing descriptions of entities and objects that do not exist in the reality. The main element of science fiction discourse is the literature in the genre of science fiction, the relevance of the study is due to the presence of its associated subculture known as "fandom". Marked attributes of fandom and words denote significant features of this subculture. The article defines the functions of science fiction literature, which it performed earlier (in chronological order) and performs now, both within the fandom, and in society as a whole, through the effects on the concerned people. Each function is discussed in detail, with examples of literary works, where the function is expressed most clearly. The most attention is paid to the functions performed by the modern russian science fiction literature. Words, that are the product of science fiction discourse and using in fandom actively, were marked separately.

Keywords: discourse, science fiction, literature, subculture, fandom

Объективная реальность окружает человека постоянно, что не удивительно — ведь он существует в ней. Человеческая жизнь — это оперирование сущностями объективной реальности: предметами обихода, орудиями труда, межличностными отношениями. Казалось бы, человек в повседневной деятельности и планировании своего бытия должен ориентироваться только на то, что можно увидеть, услышать, потрогать или, если речь идет об абстрактных понятиях, аргументировано доказать. Но среди человеческих потребностей устойчиво существует интерес к выдуманным историям: мифам, легендам, сказкам,

героическим эпосам, историям из жизни других людей, то есть историям, в которых органической частью являются элементы, отсутствующие в объективной реальности. Согласно исследованию А.В. Олянича [3] среди многообразия дискурсов, связывающих тексты и многообразие человеческого бытия, присутствует фантастический дискурс. Научно-фантастический дискурс является его подвидом и исследует современные формы не совсем реалистичных историй и всего что с ними связано. Главным объектом исследования в нем является литература в жанре научной фантастики (НФ). К нему также примыкают фильмы и сериалы фантастического жанра. Подробнее статус научно-фантастического дискурса рассмотрен в работе [5].

Необходимость выделения научно-фантастического дискурса определяется тем, что НФ (как «твердая», так и в «мягких», развлекательных формах) оказывает на своих читателей большее воздействие, чем художественная литература реалистичных жанров. Существуют понятия *фэндом* — сообщество любителей НФ, *клуб любителей фантастики*, *конвент* («кон») — съезд любителей фантастики, *фэнзин* — специализированный журнал о фантастике, *фанфик* — любительский рассказ-подражание мастеру, *ролевые игры* и *реконструкторы*, иногда презрительно именуемые «толкнутыми» (от имени Дж. Р. Р. Толкина, корифея жанра фэнтези) и «трекерами» (*trekkies*, реконструкторы реалий известного НФ-сериала «Звездный путь» (Star Trek)). И, последнее по перечислению, но не по важности, проникновение в реальную жизнь изобретений, предметов обихода, ранее являвшихся лишь плодом воображения. Образцовым примером может служить тот же сериал «Звездный путь» [1].

На данном этапе исследования научно-фантастического дискурса является актуальной задача уточнить функции научной фантастики и в первую очередь научно-фантастической литературы.

Научная фантастика распространяет свою проблемную область на территории науки, техники, экономики, социологии, социальной психологии, психологии самого человека. В научно-фантастическую литературу вовлекаются знания из фундаментальных, прикладных и гуманитарных наук и адаптируются к пониманию читателя с целью описать идею, выходящую за рамки реализма [6]. Это механизм функции научной фантастики, исторически возникшей раньше всех: **прогнозирование того, что может дать человеку прогресс**. Если мы вспомним произведения отцов-основателей НФ (Ж. Верн, Г. Уэллс, А. Беляев), то в их творчестве прослеживается схема: изобретается нечто (подводная лодка, дирижабль, вертолет, машина времени, трансплантация органов и мн. др.) не существующее на момент написания в реальности и отслеживается, как отдельные люди и общество в целом отреагировали на появление инновации. В роли пробного шара могли выступать не только

технические новинки, но и *события*: высадка марсиан в Англии в «Войне миров» Уэллса, нападение флота дирижаблей милитаристской Германии на США (Г. Уэллс, «Война в воздухе»), победа мировой революции (А. Беляев, «Прыжок в ничто»). Здесь речь идет тоже о прогрессе, но не техническом, а социальном.

Функция прогнозирования долгое время сосуществовала с другой: **осмыслением места техники и технологии в обществе**. Они сохраняли свою актуальность до времен, пока люди верили в прогресс, бесконечное поступательное развитие и в то, что технологический прогресс приносит только блага. Миф о всемогуществе науки и техники [7] идет рука об руку с научной фантастикой: НФ культивирует и подпитывает этот миф, а сам миф стимулирует интерес к НФ. Он до сих пор является принадлежностью «твердой» НФ и, в целом, остается актуальным.

В течение XX века вера в научно-технический прогресс перестала быть абсолютной; в НФ-литературе же разочарование в прогрессе привело к появлению новых функций. литература стала инструментом **адаптации техники и технологии к человеческому бытию**, переосмыслению их роли. Иначе говоря, новое открытие, новое изобретение, новая машина уже не были центром произведения. Они остались, но стали дополнением к проблемам самого человека: как с их помощью меняется жизнь, что они могут дать, какую выгоду из них можно извлечь. В НФ-литературе появилось меньше прорывных идей, но создалась масса произведений, где уже известные фантастические допущения обыгрывались по-новому, с неожиданной точки зрения. Например, «Машина времени» Уэллса была написана более века назад, а сколько произведений использовали идею темпорального перемещения, как слабых, так и великих — уже не счесть. Получается, что раньше НФ рассказывала, что машина времени, вероятно, возможна. Сейчас любитель НФ может с уверенностью говорить, что наверняка ее изобрели в будущем и с нетерпением (как вариант — с опаской) ждет момента, когда ее реально изобретут. Т.е машина времени, не будучи предметом объективной реальности, уже оказывает на жизнь значительного количества людей ненулевое влияние. К ней привыкли как к данности, пусть и фантастической.

В настоящее время существует богатый пласт фантастической литературы, которая выполняет **моделирование возможных вариантов применения технологий, уже прошедших пик своего развития**. Это узкотематическая литература, на которую поспешили навесить слишком много жанровых ярлыков. Она образовалась как подражание *киберпанку* — фантастике, в которой повышенное внимание уделяется информационным технологиям и получила название, в зависимости особенностей произведения, *стимпанк* и *дизельпанк*. По форме они похожи на киберпанк, но в художественных произведениях происходит углубленное «изучение» не компьютерных технологий, как в киберпанке, а тех,

которые являются частью прошлого: стимпанк описывает затянувшийся век пара, а дизельпанк: 1-ю половину XX века. Существует много других «панков»: *стоун*- (о каменном веке), *сандал*- (об античности), *клок*- (о средневековье), *тесла*- (о неизвестных на текущий момент применениях электричества), *атомпанк* (о более развитом, чем в объективной реальности, применении атомной энергии), причем названия некоторым даны сугубо по аналогии, из желания обозначить направление в литературе. Но, киберпанк, стимпанк и дизельпанк — это уже сформировавшиеся субжанры фантастической литературы с количеством представителей, исчисляемых десятками и сотнями, а другие «панки» не могут этим похвастаться: за иными стоит от силы 1-2 произведения. Но даже при малом, вряд ли претендующем на звание «направление литературы» количестве, функция моделирования альтернативного технического развития цивилизации работает.

Моделирование возможных вариантов развития технологий плавно примыкает к еще одной функции фантастики: **моделированию возможных вариантов развития истории.** Это направление фантастики известно под названием «*альтернативная история*» (АИ) и отличается от вышеупомянутых «панков» тем, что технология не является главенствующим фактором, изменяющим историю (хотя она легко меняется авторами стимпанка и дизельпанка). Моделируются события, оставшиеся в реальной истории вероятностями, а технология — если из сбывшейся вероятности получается альтернативная технология — это допускается на страницах жанровых произведений. Моделирование истории и моделирование технологий — это два пересекающихся, но остающихся разными множества. Например, в цикле Гарри Гаррисона «Звезды и полосы» моделируются отношения Англии и США в 1860-е годы без прорывных технологических инноваций, а программная для стимпанка «Дифференциальная машина» Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга немыслима без механического компьютера, паромобилей и «кинетотропа» — видеотехнологии, удивительно напоминающей ЖК-матрицы, только черно-белые, на механических элементах и с ограниченным быстрым действием.

Поскольку альтернативная история немыслима без точки опоры – истории реальной, то авторы АИ вынуждены делать отсылки к произошедшим в объективной реальности событиям или хотя бы их версиям. И, если отсылки достаточно объемны и подробны, если художественное мастерство автора достаточно высоко, чтобы пробудить любопытство читателя и его желание узнать больше о прочитанном, возникает побочная функция АИ: **стимулирование интереса читателей к изучению истории.**

Самая последняя по времени появления функция научной фантастики связана с бумом литературы, характерной особенностью является главный герой, который испытывает внезапную, скачкообразную смену времени и географической локации своего обитания,

причем перенос в новый локус и хронотоп осуществляется без внятных объяснений физики процесса. В настоящее время для такого рода героев закрепился разговорный термин «*попаданцы*». Слово канонизировалось и сознательно эксплуатируется в названиях произведений АИ. Например: «Десант *попаданцев*», «Прорыв *попаданцев*», «Плацдарм *попаданцев*», «Ответный удар *попаданцев*», «Гвардия *попаданцев*» Александра Конторовича, «*Попаданец Сталина*» Анатолия Логинова, «*Попаданец на троне*» Германа Романова. Безусловно, это привлекательный маркер для целевой аудитории — уже читавших что-нибудь из АИ. Сам же процесс смены локуса и хронотопа с последующей адаптацией «попаданца» в новых условиях не получил своего термина, кроме просторечного «*попадалово*», которое куда больше ассоциируется с бытовыми неприятностями, нежели с фантастической литературой. Также существует охотно эксплуатируемый коммерческий штамп «*наши там*». «Там» — подразумевается в интересном моменте истории и/или даже на другой планете.

Помимо описания жизненного пути отдельных персон или небольших групп «попаданцев» существует пласт литературы, в которой производится попытка смоделировать ситуацию провала в другое время целых поселков, географических областей и даже стран. Существует англоязычная аббревиатура ISOT (*Isle in the Sea Of Time*, остров в море времени), обозначающая этот класс произведений. Аналогичного русскоязычного термина пока не устоялось. В нашей стране первым опубликованным произведением подобного рода была повесть Эдмонда Гамильтона «Город на краю света».

«Попаданческую» литературу много и охотно критикуют [2]. Основные тезисы сводятся к тому, что это сугубо развлекательная литература, в которой главному герою слишком легко достается место под солнцем, после чего ему (или ей) остается только «приключаться» и чтение такой литературы провоцирует эскапизм.

Дело в том, что игнорируя физику переноса человека в другое время и место, авторы не могут обойти проблемы его адаптации в чужом обществе. И тут авторам приходится делать выбор: либо герой действительно «приключается» и наслаждается жизнью, как первопопаданец российской фантастики «Сварог» Александра Бушкова, либо «попаданцу» приходится примерять на себя функции *прогрессора*, т.е. ускорить технологический прогресс хотя бы для того, чтобы пользоваться привычными бытовыми удобствами или их отдаленным подобием. Подобная задача немислима без вопроса, как изменить мышление «аборигенов» и их привычки: от элементарного мытья рук перед едой до идеи, что убивать отстраненного от власти человека необязательно (Спрэг де Камп, «Да не опустится тьма»). Канонических прогрессоров в современной отечественной фантастике можно увидеть в

сериях: «Смутное время» Романа Злотникова (о начале XVII века), «Кавказский принц» Андрея Величко (начало XX века), «Еще не поздно» Павла Дмитриева (1960-е годы).

Здесь «попаданческая» литература перерастает саму себя. Поскольку местом действия большинства книг из «военно-исторической фантастики» (еще один коммерческий термин) является прошлое, быт людей конкретной эпохи, тогдашняя технология, то автору поневоле приходится разбираться в этом. И несмотря на формально фантастику получается почти исторический роман, в котором бывает настолько много мелких подробностей, что этому явлению в фэндоме придумано свое название: *заклепкометрия*. Т.е. фантастика в жанре альтернативной истории пробуждает интерес к истории реальной и заставляет задуматься о месте технологии в истории. О том, что «попаданцы» — это не только художественный прием, свидетельствуют сайты, например [4], где всерьез обсуждается, как быть и что делать, если вы вдруг «попали».

Что же касается провоцируемого «попаданческой» литературой эскапизма, то демонстрация читателю поведения и мышления человека на другой ступени социальной лестницы всегда была задачей любой литературы, не только фантастики. Чаще речь идет о более высокой ступеньке, т.к. это интереснее для читателя. Но, поскольку прыгнуть на высокую ступень, занимаемую прогрессором, объективно невозможно (но хотелось бы), то фантастическая литература выполняет последняя по перечислению, но не по важности функция — **экзистенциальную** — моделирование бытия «попаданцев», оказавшихся в привлекательном для читателя положении и скрытое предложение примерить на себя чужую социальную роль. Авторы часто сознательно приукрашивают бытие «попаданцев», помещая их на место видных государственных деятелей, родовых аристократов, известных личностей или просто состоятельных людей. Количество сладостей в блюде духовной пищи каждый выбирает по вкусу. Кому-то интересно прикоснуться к реалиям общественного положения, которое он никогда не будет занимать, другим просто любопытно почитать про приключения, а кто-то пропустит это как забавный бонус к основному посылу книги: мы моделируем историю и технологию, это интересно, а может, что-то и в объективной реальности можно подкорректировать? И начать, естественно, с себя.

Значение каждой функции меняется со временем, так как научно-фантастическая литература динамична и подстраивается под изменяющиеся потребности читателей. Возможно, в будущем появится новая функция, которая позволит взглянуть на научную фантастику с еще одной точки зрения.

Список литературы

1. Ионов А., Гагинский А. Как «Звездный путь» изменил наш мир: Мир фантастики и фэнтези. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art5681.htm> (дата обращения: 24.11.2014)
2. Невский Б. На злобу дня: попаданцы: Мир фантастики и фэнтези. URL: <http://mirf.ru/Articles/art5368.htm> (дата обращения: 24.11.2014)
3. Олянич А.В. Потребностно-информационный и синхронно-диахронный подходы к этнокоммуникации // Очерки по этнолингвистике потребностной коммуникации. Коллективная монография. Под общей редакцией А.В. Олянича. Волгоград: ФГБОУ ВПО Волгоградский ГАУ, - 2014. с. 8-18
4. Попаданцев.нет: сайт. – URL: <http://www.popadancev.net> (дата обращения: 24.12.2014)
5. Рыльщикова Л.М. К определению статуса научно-фантастического дискурса // *Lingua mobilis*, 2007, №2, с. 44-50
6. Рыльщикова Л.М. Типология жанров современного научно-фантастического дискурса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2011, Т.13, №2, с.193-197
7. Рыльщикова Л.М. «Мифы» и «ожидания» как концепты научно-фантастического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика», №2, М.: Издательство МГОУ, 2007, с. 75-80

Рецензенты:

Карасик В.И., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой английской филологии. ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г.Волгоград;

Олянич А.В., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой иностранных языков. ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный аграрный университет», г.Волгоград.